

Люмиан затаицевал, чтобы выманить странных созданий. Его целью было, используя Невидимость, подобраться поближе и проанализировать повадки и движения огненного монстра, собрав информацию для будущей охоты.

Всего за 30—40 секунд он, используя древний гермес, вернул себе одержимость существом с пастью-отверстием.

Люмиана охватил всепоглощающий голод, заставляя его открыть рот. Будто в его пасти прорезались зубы в форме водоворота.

Он быстро подавил нахлынувшие на него хищные и безумные мысли, вытащил небольшое печенье и кубик сыра, засунул их в рот, жевал и глотал.

Одновременно с этим он усилил исходящую от существа с пастью-отверстием невидимость, заставив себя исчезнуть из виду.

Утолив голод, Люмиан постарался держать рот на замке, чтобы не допустить утечки запаха печенья и сыра.

Затем он проследил за огненным монстром по краю дороги.

Вскоре Люмиан заметил обугленного монстра, все конечности которого были охвачены пламенем.

На поляне, где они встречались раньше, он соорудил новую ловушку.

«Ты уже стал монстром, но все еще так усердно трудишься?» — про себя усмехнулся Люмиан.

Естественно, он понимал, что это всего лишь проявление инстинктивного поведения монстра.

Люмиан не осмелился подойти слишком близко, остановившись у полуразрушенной стены на границе поляны.

Несколько мгновений он изучал огненного монстра, а затем оглянулся на пройденный путь. Он заметил, что, хотя его следы были слабыми и скрытыми в наименее заметных местах, они все же существовали.

Люмиан окинул взглядом свое нынешнее местоположение и придумал план.

Внимательно следя за движениями монстра, он схватил камень побольше и швырнул его в сторону. Пока тот летел, он уперся правой рукой в разрушающуюся стену и перемахнул через

нее, приземлившись на безопасном расстоянии.

Бах!

Действия Люмиана были безупречно замаскированы звуком камня, ударившегося о землю.

Сменив точку обзора, Люмиан почувствовал себя гораздо спокойнее. Следя за своей убывающей духовностью, он пристально наблюдал за огненным монстром.

Он понял, что ловушки огненного монстра не были ни скрытыми, ни сложными для обнаружения. Они не использовали ни логических уязвимостей, ни инерции движения. Они были простыми и открытыми.

Самым элементарным примером была веревка, которую огненный монстр натянул чуть выше лодыжки между двумя разрушенными зданиями на противоположных сторонах поляны.

Любой человек или монстр с нормальным зрением мог легко обнаружить эту ловушку.

Поначалу Люмиан не понимал ее цели, но, поставив себя на место монстра, постепенно осознал ее потенциальную значимость.

Цель подобных ловушек заключалась не в том, чтобы непосредственно ранить или поймать врагов, а в том, чтобы создать среду, которая позволяла бы Охотникам в полной мере проявить свой потенциал.

В пылу сражения было трудно наблюдать за окружающей средой и сохранять ситуационную осведомленность. Постоянно отвлекаясь на эти ограничения, иногда приходилось замедляться или менять позицию, чтобы избежать ловушек. Охотники же обладали уникальной способностью всегда оставаться бдительными к своему окружению и использовать окружающую среду в своих интересах.

Это несоответствие еще больше увеличивало разрыв в силах.

«Открытый заговор...» — понимающе кивнул Люмиан, вспомнив слова Авроры.

Внезапно он увидел в огненном монстре строгого наставника, преподающего ему ценные уроки об Охотниках.

В то же время он вспомнил содержание романа Авроры: «Воровство у мастера карается смертью!»

В конце концов, огненный монстр прекратил свою деятельность. Его обугленное лицо инстинктивно осматривало окрестности.

Затем он зашагал к краю поляны, неподалеку от Люмиана, и от его тела заплясали языки пламени.

«Следует по заранее намеченному маршруту к следующему месту?» — подумал про себя Люмиан, и его волнение усилилось.

Для Охотников было очень важно знать пути передвижения добычи.

Большинство ловушек располагалось именно на таких маршрутах!

Неспешно шагая, огненный монстр осматривал окрестности и изучал землю, не теряя бдительности.

Люмиан нахмурился. Он понял, что с Охотником более высокой последовательности справиться будет нелегко.

Наиболее эффективным противодействием Потусторонни часто были люди или предметы более высокой последовательности того же пути, даже если разрыв составлял всего одну или две последовательности.

«Я лучше тебя разбираюсь в твоих сильных сторонах. У тебя может не оказаться того, что есть у меня!»

Если бы не его способности Танцора и кинжал Падший Меркурий, Люмиан не осмелился бы даже строить планы охоты на огненного монстра.

Семь-восемь секунд спустя огненный монстр достиг края поляны, примерно в пяти-шести метрах от полуразрушенной стены.

Как и прежде, взгляд огненного монстра инстинктивно блуждал по сторонам.

Он сделал паузу, словно разглядывая следы у края стены, которые, казалось, оставил кто-то из людей.

Тук, тук.

Сердце Люмиана невольно заколотилось.

Он еще не был готов охотиться на огненного монстра.

Несмотря на пять-шесть метров, отделявших их друг от друга, Люмиан не решался убить врага Падшим Меркурием, зная, что в нем не хранится судьба, которой можно было бы обменяться.

Если бы завязалась драка, его бы убили прежде, чем он успел бы активировать символ черного шипа!

Люмиан изо всех сил старался контролировать свое сердцебиение и дыхание. Правая рука парила над черной тканью, покрывавшей клинок Падшего Меркурия, готовая в любой момент сорвать ее.

Если бы он изо всех сил прыгнул со своего нынешнего места, то, возможно, смог бы дотянуться до огненного монстра и избежать боя на дальней дистанции, который был на руку его противнику.

Прошло две-три секунды. Огненный монстр отвел взгляд и двинулся дальше.

По всей видимости, он не заметил следов Люмиана.

Пройдя еще метров десять, огненный монстр вдруг развернулся.

От его тела вырвались языки пламени, собравшись в массивный, обжигающе белый огненный шар.

Шар пронесся, словно пушечное ядро, к тому месту у края полуразрушенной стены, где только что сидел Люмиан.

Повинуясь инстинкту, Люмиан, пригнувшийся к стене, спрыгнул вниз, на другую сторону, где огненный монстр устроил свою ловушку.

Бум!

Раздался оглушительный взрыв, от которого и без того неустойчивая стена рухнула.

Приземлившись, Люмиан дважды перекатился, чтобы избежать падающих обломков и ударной волны, пронизанной пламенем.

Он тут же вскочил на ноги, сохраняя свою «невидимость», промчался сквозь расставленные огненным монстром ловушки и направился к другому выходу с поляны.

Огненный монстр не смог сразу обнаружить своего врага, поэтому сосредоточился на поиске улик.

Наконец, он заметил цепочку слабых следов.

К этому времени Люмиан добрался до веревки, натянутой между двумя обрушившимися зданиями, легко перепрыгнул через нее и убежал с поляны.

Он бросился к естественной ловушке и стряхнул с себя преследователя.

Деактивировав Невидимость, Люмиан мысленно выругался от боли:

«Слишком коварно, слишком коварно! Одна голова у этого монстра стоит двух голов Понса. Обнаружив мои следы, он сделал вид, что не видит их, и намеренно увеличил расстояние между нами, боясь, что может быть побежден!»

Ругаясь, Люмиан чувствовал, что узнал что-то новое.

Конечно, у такого подхода были и свои минусы: увеличившееся расстояние давало Люмиану пространство для отступления.

Кроме того, невидимость означала, что огненный монстр не сможет сразу же его обнаружить. Шансы на побег были высоки.

Переведя дыхание и немного восстановив силы, Люмиан, поедая печенье и сыр, задумался: «Судя по тому, что только что произошло, если я буду действовать осторожно и ударю в нужный момент, то смогу положиться на невидимость, чтобы создать дистанцию и сбежать в безопасное место, дожидаясь завершения обмена судьбами».

Невидимость Люмиана спадала при атаке, но до тех пор, пока он не вступал в контакт, он мог снова ею воспользоваться.

Это ценное озарение пришло к нему во время разведки.

Однако он также осознал одну проблему:

«Будучи Охотником, я не взял с собой воды, когда пошел на "горную охоту"! Как же меня мучает жажда!»

И сыр, и печенье требовали запивания водой.

Вяленое мясо, которое Люмиан собирался приготовить в будущем, тоже относилось к этой категории.

Немного отдохнув, он решил выследить Человека-Лапшу, отобрать у него плохую судьбу и сохранить ее в Падшем Меркурии. Он не мог рисковать снова оказаться беззащитным в чрезвычайной ситуации.

Судьба марионетки также принадлежала Падшему Меркурию, и ею можно было обменяться. Но Люмиан не был кукловодом. Он не мог обменяться своей судьбой с другими. Если бы мог, то с радостью отдал бы бомбу, заложенную в нем.

Примерно через тридцать минут Люмиан выследил Человека-Лапшу, гротескную мешанину конечностей и черт лица.

Заранее исполнив ритуальный танец, Люмиан открыто направился к Человеку-Лапше. Как он и ожидал, Человек-Лапша лежал ничком на зловонной земле, неконтролируемо дрожа.

«Очень послушный...» — похвалил Люмиан, сжимая в правой руке топор цвета вороненой стали, а в левой — кинжал Падший Меркурий цвета темного олова.

Хотя зловещая аура Падшего Меркурия просачивалась в кожу Люмиана даже без прикосновения, он уже давно приобрел иммунитет к ее разлагающему влиянию. То, что могло бы довести обычных Потусторонних до потери контроля, для него ничего не значило.

Люмиан свирепо посмотрел на жалкого Человека-Лапшу, съежившегося перед ним, отведя взгляд от щелкающей пасти на его лбу.

— Как сказала Аврора, для таких, как ты, смерть — это милосердие. Чем скорее ты испустишь дух, тем скорее закончатся твои страдания.

С этими словами Люмиан присел на корточки и вонзил кинжал цвета темного олова Человеку-Лапше глубоко в основание шеи.

Чловека-Лапшу свело судорогой, но он не сопротивлялся и не боролся.

Люмиан выдернул кинжал и схватился за топор, с плавной грацией опустив оружие вниз.

Топор пронзил плоть и кости, и голова Человека-Лапши с подрезанной одним взмахом Падшего Меркурия шеей покатилаь по земле.

Из разрубленной шеи хлынула кровь, заливая все вокруг.

Вскоре дергающееся тело Человека-Лапши затихло, наконец-то расставшись с жизнью.

Люмиан подошел к голове и левой рукой поднял Падший Меркурий.

В мимолетное мгновение между вдохами перед его глазами замерцала иллюзорная река.

Река, казалось, была составлена из замысловатых символов ртути, и каждый символ, казалось, был образован самой рекой.

В тот же миг рукава реки исчезли, оставив только основное течение. Оно прервалось на полпути и изогнулось, словно желая вернуться к своему истоку, но пока не могло этого сделать.

<http://tl.rulate.ru/book/85594/4586435>